

ЦЕНЗОВАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1917–1921 ГОДОВ

ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ

ВЕСТИМЕНТАРНОГО КОДА

Elite Societies of the Russian

Revolution of 1917–1921

through the Prism

of the Vestimental Code

Автор:
Тимур
Газизуллин

Author:
Timur
Gazizullin

Ключевые
слова:
революция,
вестиментар-
ный код,
одежда,
политика.

Keywords:
revolution,
vestmental
code, clothing,
politics.

Аннотация

В статье рассматривается использование одежды в борьбе за политический капитал в период Русской революции 1917–1921 гг. Особое внимание уделяется роли элитарных групп российского общества в этом процессе. Вестиментарная традиция данных групп анализируется в рамках историко-генетического метода. Это позволяет подчеркнуть стремление рассматриваемых акторов к возвращению политического процесса в прежнее русло национально-государственного строительства.

Abstract

The article examines the use of clothing in the struggle for political capital during the Russian Revolution of 1917–1921. Special attention is paid to the role of the elite groups of the society. The vestimental tradition of these groups is analyzed in the framework of the historical-genetic approach. This makes it possible to emphasize the desire of the actors to return the political process to the former course of state construction.

Революция лишила легитимности прежние средства символической борьбы. Цензовая общественность лишь частично смогла приспособиться к новым условиям. Попытки встроить позднеимперские тенденции моды в новый революционный контекст столкнулись с нежеланием демократических слоев русского общества воспроизводить в поле политики вестиментарные коды, принятые ранее, так как сам факт возвращения к мундирам и сюртукам символизировал крах надежд на создание открытой и децентрализованной системы социальных отношений.

В данном случае возникает трудность при определении того, что мы должны понимать под «цензовостью». Свою роль здесь сыграла сложная избирательная система в думу и Государственный совет. Но при всем этом мы не можем игнорировать весь пласт русского общества, который воспринимался и воспринимал себя в качестве некой элитарной группы. Таким образом, под цензовой общественностью мы подразумеваем столичную интеллигенцию, обладавшую экономической самостоятельностью, а потому имевшую возможность активно заниматься политикой; парламентариев, выступивших в февральский период против перехода от общенациональной антимоноархической революции к радикальным социальным преобразованиям в военное время; прежних царских сановников, принявших участие в политическом процессе. Мы не сводим «цензовость» к одному лишь экономическому компоненту, но реконструируем многосоставную среду, опирающуюся на сконцентрированный политический и экономический капитал.

Противостояние цензовой общественности и революционной демократии не ограничивалось публичными спорами о внутриполитическом курсе, а прорывалось в повседневность. Считывание определенных вестиментарных кодов обуславливало то, каким будет отношение населения к конкретному течению.

Объектом нашего исследования является символическая борьба периода Русской революции 1917–1921 гг. Предметом исследования являются вестиментарные коды цензовой общественности.

Теории второй половины XX века позволили отечественной и зарубежной историографии начать активно разрабатывать подходы к интерпретации вестиментарных кодов. Монография Б.И. Колоницкого примечательна тем, что кроме ключевых кодов, таких как френч и пиджак, рассматриваются и декоративные элементы костюма (красный бант). В этом смысле нам необходимо подчеркнуть ограниченные возможности пиджака как самостоятельного вестиментарного кода, а потому данная монография позволяет

учесть опыт реконструкции восприятия костюма революционного периода [Колоницкий 2012: 237–238]. Кристиан Бар, анализируя роль брюк в период Французской революции, указывает на стремление оппозиционного сегмента политического класса отказаться от роскоши в одежде [Бар 2013: 22–23].

Так мы обнаруживаем сходство с тезисом Пьера Бурдьё о том, что наибольшим политическим капиталом обладают те агенты, которые выступают за перераспределение капитала экономического [Бурдьё 1993: 186].

В статье И.К. Кирьянова обращается внимание на верхнюю одежду. Пиджак выступает в качестве самостоятельного символа антимонархической революции [Кирьянов 2018: 162]. Учитывая, что отечественные специалисты рассматривают эволюцию вестиментарных кодов преимущественно на пространстве Москва – Петроград, мы стремимся выйти за рамки столичных центров, а также подчеркнуть многовариантность пиджачного костюма. Можно сказать, что галстук и воротничок выступают не менее важными элементами костюма, так как позволяют продемонстрировать стремление определенного актора к конкретизации своей позиции. В результате один и тот же пиджак при различных комбинациях аксессуаров может быть и цензовым, и революционно-демократическим. В пиджаке можно увидеть символ борьбы не только с самодержавным строем, но и с большевизмом.

Целью нашего исследования является определение способов использования и вариантов считывания вестиментарных кодов цензурной общественности в процессе символической борьбы в годы революции.

Источниковая база представлена кино- и фотодокументами, графическими изображениями, воспоминаниями современников о рассматриваемых событиях, а также публицистическими работами. Интерпретация визуальных источников осуществляется через анализ воспоминаний, а также публицистических работ, отражающих идейные ориентиры определенных течений и групп. Тем самым аксиологическое и социально-политическое содержание вестиментарных кодов рассматриваемых акторов может быть раскрыто посредством сопоставления цензурного и революционно-демократического костюмов.

Исследование опирается на теорию социальных полей П. Бурдьё. Данная концепция позволяет выйти за рамки изучения революции через призму политических партий и указать на социокультурные различия представителей тех или иных течений. Рассмотрение

обозначенного процесса в качестве символической борьбы обусловлено конкуренцией цензовых и революционных партий за право на учреждение новых «правил игры». Само понятие символической борьбы выражается в стремлении агентов социального поля утвердить собственные легитимные правила. Мы рассматриваем внешний облик цензовой общественности в качестве ряда вестиментарных кодов, т.е. знаковой системы, которая позволяет транслировать конкурентам определенного актора собственные аксиологические и социальные ориентиры в поле политики. Восприятие вестиментарного кода осуществляется посредством анализа внешнего облика актора. Ключевую роль здесь играет связь аксессуара, верхней одежды или других предметов облика с социальным контекстом эпохи, т.е. закодированная в одежде информация выявляется при опоре на принятые в обществе знаки дифференциации [Bourdieu 1984: 251]. Революция радикально трансформировала поле политики, потребовала от агентов мобилизации своих капиталов для того, чтобы в процессе борьбы утвердились новые крупные игроки. В этом отношении цензовая общественность пыталась сохранить привычные ей способы собственной репрезентации в публичном пространстве.

В Северо-Западном крае положение было крайне неустойчивым, а потому активная политическая деятельность была невозможна. Из всех очагов сопротивления большевизму Урал и Сибирь менее всего были связаны с городской политической культурой. Крестьянская самоорганизация и деятельность провинциальных элитных группировок умеренно социалистической ориентации не способствовали широкой распространенности цензового костюма [Молчанов 2003: 237–238]. По этой причине, анализируя период с марта 1917 по ноябрь 1920 гг., мы ограничиваем область исследования рамками европейской части России, особое внимание уделяя Белому Югу.

Начальный период символической борьбы был связан с попытками либералов удержать собственные позиции. На примере фото, сделанных в период с марта по май 1917 года, можно видеть, что прежним политическим классом демонстрировалась уверенность в своих силах [Временное правительство...]. Ключевыми символами этого времени являлись крахмальный воротничок и пиджак из негрубой ткани. В ответ на это депутаты Петросовета подчеркивали собственную бедность, что давало им возможность заручиться поддержкой широких масс.

Одежда не могла сковываться прежними нормами. Происходило смешение всех акторов. Образ революционера был обращен в этих условиях ко всему миру, был представлен и студенческими фуражками, и солдатскими шинелями. Но при этом цензурный политик думы не мог восприниматься в качестве «своего», так как его действия были направлены на частичное изменение вестиментарной традиции. Привычная репрезентация общественно-политической позиции опиралась на классическую тройку с галстуком.

Милитаризация одежды цензурных политиков имела место лишь в февральский период. Но и первые дни низложения монархии были лишь кратковременной примеркой военной формы. Примечательны в данном случае фото А.И. Гучкова в качестве военного министра. На большинстве встреч с генералитетом он оставался в гражданском костюме и только для официального изображения предстал перед населением во френче. Интересно и то, что на кинохрониках В.М. Пуришкевич выступает перед революционными войсками в военной форме, размахивая папахой [Кинохроника революционных...]. Но все это, на наш взгляд, является лишь отголоском прежней имперской милитаризации общественной жизни. Золотые погоны не выдержали давления со стороны солдатской гимнастерки, в результате чего цензурные политики окончательно остались при тройках и котелках.

Популистские призывы социалистов к перераспределению экономического капитала привели к тому, что монополия либерализма на официальные властные структуры исчезла. Новый этап, длившийся с мая по ноябрь 1917 года, был связан с упорными попытками цензурной общественности удержать свои позиции в поле политики, а обострение отношений с новым кабинетом Временного правительства лишь убеждало нереволюционные партии сохранить свои символы и знаки.

Депутаты Петросовета изначально не имели собственных средств, чтобы одеваться так, как принято во властных структурах. Но важно здесь именно то, что даже с обретением авторитета и увеличением своего капитала известности они остались зависимыми от собственной социальной среды, которая в условиях тотальной неопределенности улавливала любые изменения в способах политической коммуникации.

Примечательным для этого времени является Государственное совещание в Москве. Лидеры революционной демократии были одеты в дешевые костюмы, которые делали их ближе к социальным низам. Простой пиджак мог сочетаться с гимнастерками и фуражками

где-нибудь на митинге перед Кремлем в мае 1917 года. В этих условиях цензовый политик, чей костюм включал в себя светлую шляпу с лентой и воротничок, встречал недоверие.

П.Н. Милюков, оценивая роль цензовой общественности в низложении монархии, отметил:

«А полное почти отсутствие “буржуазии” в истинном смысле этого слова, ее политическое бессилие, при всем широком применении революционной клички “буржуй” ко всякому, кто носит крахмальный воротничок и ходит в котелке?» [Милюков 2001: 18].

П.Н. Милюков неслучайно обратился к воротничку и шляпе. Этим он указал на поверхностное мировоззрение революционной массы. Она не могла выбраться из бытового восприятия политики, использовала самостоятельно выработанные маркеры для интерпретации причин своего низкого положения в социальной структуре русского общества. Одежда позволяла легко ориентироваться в разнообразии течений, выстраивать доверительные отношения с теми, кто репрезентировал себя как «народного» политика. Поэтому знаки, некогда являвшиеся вполне демократичными, — пиджаки — теперь подверглись дифференциации в зависимости от дополняющих их элементов — шляп и воротников.

Значит ли это, что сопротивление и взаимная неприязнь определялись положением определенного агента в социальной стратегии? Можно сделать предположение, что цензовая общественность, включавшая в себя торгово-промышленные круги, общественников и столичную интеллигенцию, требовала от каждого своего представителя соответствия специфическому дресс-коду. Негласное и привычное правило, выработанное не одним поколением политически активных граждан, конституировало образ некоего «буржуя» или «контры».

Для человека, вышедшего из земских и парламентских структур, было крайне затруднительно одеваться в то, что понижало его социальный статус. В условиях же революции демократизм в одежде у цензовых политиков тесно сплетался с предательством, сговором в Циммервальде, агитацией на фронте за выход России из войны.

Но если же мы попытаемся дифференцировать цензовую общественность, то мы должны вернуться к позиции П.Н. Милюкова. Мы видим, что он хотел вырваться из мировосприятия демократического элемента, предложить собственную модель классификации политических группировок. Его партия на протяжении всего

1917 года боролась с ярлыком буржуазности, открыто призывала к перераспределению экономического капитала [Кизеветтер 2017: 5]. Но именно отказ кадетов от полного имущественного уравнивания вывел партию из борьбы за голоса избирателей; угасала и поддержка населения, так как левый популизм шел дальше. В этих условиях тот самый крахмальный воротничок вызывал зависть и неприязнь, формировал у обывателей образ врага.

Здесь мы приходим к промежуточному выводу. Продолжение использования цензовыми политиками прежней одежды являлось скрытым сигналом несогласия со стремительной массовизацией политики. Через ношение классической тройки и галстука подчеркивался низкий уровень правовой культуры рабочих и солдатских депутатов, что намекало на способность лишь немногих править страной. Этими немногими были лидеры либеральных думских фракций, некогда являвшихся предводителями петроградских революционных масс.

В то же время социалисты, достигшие успеха в первой половине 1917 года, получили возможность устанавливать новые правила в поле политики. Это отразилось и в их риторике, и в новом символическом выражении собственного отношения к событиям в стране [Государственное совещание...]. Примечательным здесь являются фото представителей социалистических партий в Предпарламенте. Широкополые шляпы в сочетании с грубыми пальто и серыми костюмами способствовали формированию образа «народных» политиков. Особенно ярко это прослеживалось тогда, когда вместо привычного костюма появлялось нестандартное сочетание пиджака и штанов, заправленных в сапоги.

Генерал П.Н. Краснов, вспоминая дни ареста после поражения Корниловского выступления, отметил одного из представителей революционных властей:

«Справа — маленький, сгорбленный лохматый рыжий человек, в рыжем пиджаке. Скомканная рыжая бороденка и усы, бегающие рыжие глазки — типичный революционер, как их описывают в романах, какой-нибудь “товарищ Мирон” или “товарищ Тарас” — вероятно, в свое время пострадал за убеждения» [Краснов 2006: 323–324].

На примере данного отрывка мы видим, что военные, некогда с доверием относившиеся к цензовым политикам, по мере развития событий убедились в неспособности кадетов и октябристов спра-

виться с растущим влиянием революционной демократии. Пиджак социалиста преподносился в негативном ключе. По мнению автора, мелкие детали должны были вызвать отвращение и неприязнь.

Цензовая же общественность при сокращении своего политического капитала удерживалась за счет сохранившегося вне столичных центров авторитета [Савич 1993: 247–248]. Собственная вестиментарная традиция позволила членам парламентских партий предстать позднее в качестве защитников порядка и закона.

Конец 1917 и первая половина 1918 гг. были связаны с сокращением доступных цензовым политикам способов трансляции собственной позиции. Символы, развивавшиеся революционной демократией на протяжении всего постфевральского периода революции, были монополизированы большевиками. А.А. Блок в поэме «Двенадцать» воспроизводит оформившийся образ зажиточного гражданина через элемент верхней одежды: «И буржуй на перекрестке / В воротник упрятал нос» [Блок 1918: 11]. Данная цитата указывает на то, до какой степени желание перемен трансформирует политическое поле. Социальная тематика прорывается в политику, учреждает новые принципы дифференциации агентов и становится для демократического элемента единственным ориентиром на полицентрическом поле политики.

В результате перемещения в провинцию, лишенную столичного накала страстей, нереволюционные партии смогли мобилизовать свой символический ресурс на Белом Юге, так как именно этот очаг антибольшевистского сопротивления сконцентрировал у себя лидеров прежнего политического класса. В Сибири петербургская и московская мода не получила широкого распространения, а потому социалисты легко укрепились в данном регионе, подчеркивая свою связь с населением через достаточно простую одежду.

В этом отношении примечательно временное преобразование генералитета, который старался избегать мундиров и шинелей в период преследования офицерства. Правый кадет К.Н. Соколов, вспоминая последние месяцы 1917 года, отметил:

«В Новочеркасске я видел генерала Алексеева, чудом спасшегося от ареста в день разгона Предпарламента. В очках, в синем пиджачном костюме, он походил на захудалого провинциального интеллигента» [Соколов 1921: 3].

Соколов был правоведом и преподавал в университете, поэтому вполне естественно, что в процессе считывания нового образа ге-

нерала он увидел что-то близкое себе. Данный пример показывает взаимопроникновение вестиментарных кодов погибавшей имперской эпохи.

Цензовая общественность в процессе бегства на окраины бывшей империи в 1918 году несла за собой определенную вестиментарную традицию и продолжала репрезентировать свои взгляды через нее. В условиях оккупационного режима Центральных держав привычная для П.Н. Милюкова, А.И. Гучкова и В.М. Пуришкевича одежда уже не становилась вызовом окружающей действительности, однако принципиально иная политическая конъюнктура неожиданно подготовила для старых политиков новые трудности.

Связь с властью добровольческих генералов в среде социалистов и «самостийников» репрезентировалась через образ царской роскоши, т.е. через золотой мундир сановника. Сами же цензовые политики не воспринимали военную форму как нечто пугающее: целью своей деятельности они видели создание открытых каналов социальной мобильности, а военные выступали в качестве неотъемлемого элемента контроля за изменениями в обществе на время переходного периода.

В обстановке внешнего давления со стороны большевиков и национальных новообразований на Кавказе происходило последовательное обособление властных структур от общественного контроля, что лишало революционную демократию способов удержания своих позиций в поле политики. Именно поэтому они представляли обывателям штатских служащих в образе старых царских министров, которые ассоциировались с расшитыми мундирами. В действительности же никаких мундиров не было.

Однако всем своим видом Екатеринодар и Ростов противостояли Уфе и Омску. Вынужденное сосуществование с сепаратистскими структурами Кубанской рады и Донского круга требовало от добровольческого генералитета использования кадетов в качестве промежуточного звена в процессе взаимодействия с Антантой и политическими лидерами казачества [Шелохаев 2015: 695]. Строгий офицерский мундир вызывал у сепаратистов и казацких эсеров воспоминания о дореволюционных порядках, что грозило возникновением слухов о реакционном курсе нового режима. Следует сказать, что под казацкими эсерами мы подразумеваем ту часть Кубанской рады, которая непосредственно примыкала к партии социалистов-революционеров и являлась наиболее активной оппозиционной группировкой внутри властных структур Белого Юга [Трубецкой 1981: 146].

Ношение пиджака и демократического отложного воротничка позволяло преодолеть накопившиеся символические противоречия. В то же время «самостийники» создавали собственный символический капитал, который многие элементы заимствовал у империи, но использовали их в своих частных интересах. Примечательны слова П.Н. Краснова об официальных собраниях донских депутатов и казачества:

«Мундиры с серебряными донскими погонами офицеров и генералов перемешались с рубашками с темно-синими и защитными погонами простых казаков и урядников, избранников народа, рядом с изящно сшитыми в Новочеркасске сюртуками были домашнего изготовления “тройки”. Оживление было общее. Было много речей» [Краснов 2006: 516–517].

Более того, на протяжении всех лет Русской революции 1917–1921 гг. пиджак сосуществовал с черкеской или мундиром. Военная и гражданская верхняя одежда стала основой для собирательного образа антибольшевистских сил. Политик в пиджаке, крахмальном воротничке и бабочке становился для беженцев из Центральной России гарантом государственного восстановления России, утверждения устойчивой и жизнеспособной конструкции власти. За этим образом выделась стабильность и спокойная жизнь в тылу. Существование цензовых политиков на пространстве Северного Причерноморья было достаточно разнообразным. Они присутствовали на периодических встречах с дипломатическими миссиями стран Антанты, следовательно, возникала потребность в продолжении привычной, возможно, даже приятной практики ношения дорогого костюма [Долгоруков 1964: 130].

Крайне правые силы могли продемонстрировать через одежду свою связь с русским народом и его чаяниями. Для этого В.М. Пуришкевич надел офицерский мундир [Иванов, Чемакин 2017: 99]. Верность армии на Белом Юге являлась одним из немногих принципов, сближавших представителей всего спектра общественных настроений, а потому военная форма позволяла монархистам накопить политический капитал для продолжения противостояния с элитными группировками, в частности, продолжить критиковать кадетов.

Теперь же мы обратимся к тому, как большевики репрезентировали цензового политика перед революционной массой. Прекрасным тому примером является карикатура «Деникинская бан-

да» [Дени 1919]. Мундир А.И. Деникина с эполетами практически сливается с пиджаком В.М. Пуришкевича. Однако большевики пренебрегли разногласиями, существовавшими между героями карикатуры. В действительности Пуришкевич яростно критиковал главнокомандующего за то, что тот тесно сотрудничал с кадетами. Тем не менее обнаруживается интересная деталь. Политик изображен в тройке, возможно, даже в смокинге: на картине отчетливо различимы белый жилет и пиджак характерного черного цвета. Но вместо бабочки и стоячего воротничка на В.М. Пуришкевиче галстук. Это позволяет нам сделать вывод, что авторы карикатуры фокусировали внимание своей аудитории на более приметных деталях костюма, т.е. на тройке, которая крепко утвердилась в памяти демократического элемента в качестве символа элитарности.

Таким образом, «реальная одежда» приобретала в закодированном изображении фрагментарное прочтение.

Однако экстремальные условия Гражданской войны позволили цензорам политикам разграничить сферу военного и гражданского ведения. Ярким примером тому являются два фото, сделанных на Белом Юге [Особое совещание...]. Первое фото сделано в 1919 году, вероятно, летом. Мы видим генерала А.И. Деникина (сидит в центре) с членами Особого Совещания при главнокомандующем. Генерал И.П. Романовский (сидит слева) являлся заместителем председателя совещания, тогда как начальники ведомств являлись штатскими служащими. При этом мы не видим здесь простого пиджака, который можно было обнаружить на прежних лидерах революционной демократии в канун большевистского переворота. Мы видим сюртук, крахмальный стоячий воротничок и бабочку Н.В. Савича (стоит справа), некогда связанного с партией октябристов. Н.И. Астров (стоит слева) и К.Н. Соколов (сидит справа) являлись членами партии Народной свободы. Для них важно было подчеркнуть близость к широким массам населения. Это выражается в отложном воротничке и дешевом галстуке, т.е. вполне доступных элементах костюма. Оба одеты в пиджачные костюмы. Тем самым на фото зафиксирован новый этап борьбы, происходящей уже внутри самой цензурной общественности.

На другом же фото запечатлен состав Правительства Юга России П.Н. Врангеля летом 1920 года [«Вера творит чудеса...»]. Развитие моды и изменение окружения способствуют вытеснению стоячего воротничка на второй план. Это особенно четко прослеживается на примере Г.Н. Трубецкого и Н.В. Савича. А.В. Кривошеин до революции был сановником, поэтому он не позволял себе перейти в рам-

ках официальных властных структур на более упрощенный вариант костюма. Отложной округлый воротничок в сочетании с более простым костюмом Трубецкого могли бы создать у Кривошеина неприятное чувство принижения его статуса премьера. В результате он решил остаться верным прежним принципам костюма, сохранив стоячий воротничок и старый вариант галстука. Интересным представляется и замечание Н.В. Савича:

«А всякий, носящий кличку “наш”, всякий представитель власти, именующей себя “рабоче-крестьянская власть”, неизмеримо ближе сердцу мужика, чем каждый из нас, “пиджачников”, “золотопогонников” и прочих представителей образованного класса» [Савич 1993: 363].

Внутригрупповые различия цензовой общественности транслировались посредством многовариантного составления элементов костюма в целостный образ. Можно выделить два способа репрезентации собственной позиции и программы цензовыми политиками. Первый выражался в желании подчеркнуть связь определенного актора с иерархической структурой власти — долгое существование в имперских структурах требовало от политиков соответствия внешним качествам «государственных мужей». Второй способ происходил из парламентской среды позднеимперского периода. Здесь совмещались столичный достаток с более свободным, чем в империи, отношением к внешнему виду государственного мужа. В процессе отстаивания принципов гражданской нации, всеобщего обновления русской жизни парламентарий мог оказаться не в золотом мундире или гимнастерке, а в пиджачном костюме. В этом смысле даже целенаправленное занижение своего социального статуса не вызывало у политиков какого-либо смятения.

Если же говорить о вариантах считывания вестиментарных кодов цензовой общественности, то следует выделить три основных способа восприятия. Первый характеризовался воспроизведением имперской практики доверия к тем, кто соответствовал жестким правилам официального стиля в одежде. Спецификой второго являлось спокойное отношение к демократическому варианту костюма (пиджак и воротничок с закругленными краями). Наконец, третий вариант считывания вестиментарного кода проявлялся во враждебном отношении к любому из вариантов цензового костюма. Стоит отметить, что при этом сохранялось невольное признание авторитетности того актора, который носил тройку, так как имперский опыт в условиях революции не мог сразу утратить свою значимость для поля политики.

Список источников

1. [Блок 1918] — *Блок А.А.* Двенадцать. СПб.: Алконост, 1918. 62 с.
2. [«Вера творит чудеса...»] — «Вера творит чудеса...». URL: [link](#) (дата обращения: 13.07.2021).
3. [Временное правительство...] — Временное правительство 1917 года. URL: [link](#) (дата обращения: 13.07.2021).
4. [Государственное совещание...] — Государственное совещание в Москве. URL: [link](#) (дата обращения: 13.07.2021).
5. [Дени 1919] — *Дени В.Н.* Открытка «Деникинская банда» 1919 г. URL: [link](#) (дата обращения: 14.04.2021).
6. [Долгоруков 1964] — *Долгоруков П.Д.* Великая разруха. Мадрид: Imp. Rafael Taravilla Paul, 1964. 459 с.
7. [Кизеветтер 1917] — *Кизеветтер А.А.* Партия народной свободы и ее идеология. М.: Нар. право, 1917. 30 с.
8. [Кинохроника революционных...] — Кинохроника революционных событий 1917–1918. URL: [link](#) (дата обращения: 13.07.2021).
9. [Краснов 2006] — *Краснов П.Н.* Атаман: Воспоминания. М.: Вагриус, 2006. 650 с.
10. [Милюков 2001] — *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 764 с.
11. [Молчанов 2003] — *Молчанов В.М.* Борьба на Востоке России и в Сибири / 1918 год на Востоке России. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 463 с.
12. [Особое совещание...] — Особое совещание при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. URL: [link](#) (дата обращения: 13.07.2021).
13. [Савич 1993] — *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 490 с.
14. [Соколов 1921] — *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина (из воспоминаний). София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. 304 с.
15. [Трубецкой 1981] — *Трубецкой Г.Н.* Годы смут и надежд. 1917–1919 гг. Монреаль: Русь, 1981. 263 с.

Список литературы

1. [Бар 2013] – *Бар К.* Политическая история брюк. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 320 с.
2. [Бурдые 1993] – *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
3. [Иванов, Чемакин 2017] – *Иванов А.А., Чемакин А.А.* Всероссийская народно-государственная партия В.М. Пуришкевича: программа, структура и печатные органы // Новейшая история России. № 2 (19). 2017. С. 98–119.
4. [Кирьянов 2018] – *Кирьянов И.К.* Вестиментарные коды власти в российской революции 1917–1921 годов // Вестн. Перм. ун-та. № 1(40). 2018. С. 159–164.
5. [Колоницкий 2012] – *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 320 с.
6. [Шелухаев 2015] – *Шелухаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: РОССПЭН, 2015. 863 с.
7. [Bourdieu 1984] – *Bourdieu P.* Distinction: a social critique of the judgement of taste. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. 613 p.

Тимур Алмазович Газизуллин
Пермский государственный
национальный исследователь-
ский университет,
историко-политологический
факультет, бакалаврская
программа «История»
timuralgaz25@gmail.com

Timur A. Gazizullin
Perm State University,
Faculty of History and Politics,
BA programme “History”
timuralgaz25@gmail.com